

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ¹

МВШСЭН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8848-2726

МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА²

РАНХиГС, МВШСЭН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0874-5272

Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в конверсационном анализе

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-50-71

Резюме:

За время существования конверсационного анализа (СА) ученые обнаружили множество систем организации действия (машинерий), описывающих то, как происходит смена говорящих, какие действия являются ожидаемыми, и как поддерживается интересубъективность в разговоре. Однако, когда Джон Херитедж предлагает новую машинерию, изучающую ориентацию участников взаимодействия на знание, между конверс-аналитиками разгорается дискуссия, в которой Майкл Линч и его коллеги радикальные этнометодологи обрушиваются на эпистемiku с критикой. Спор начинается с того, что Линч обвиняет Херитеджа в когнитивизме и внеситуативной природе эпистемики, при том, что исследования по этнометодологии и конверсационному анализу традиционно фокусируются на ситуативных действиях. Дискуссия об эпистемике указывает на внутреннее напряжение в СА относительно того, где проходят границы ситуаций и что, таким образом, может попасть в фокус внимания СА. В этой статье осуществляется реактуализация проблемы ситуативности в СА на основании анализа аргументов в дискуссии об эпистемике. Авторы показывают, что эпистемика и споры вокруг нее являются для СА серьезным испытанием, обнажающим концептуаль-

50

-
- 1 Белов Михаил Дмитриевич — студент, Московская Высшая Школа Социальных и Экономических Наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный конверсационный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
 - 2 Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент Факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный конверсационный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@gaпepa.ru

ную проблему, до сих пор оставшуюся в тени, — соотношения и потенциальной иерархии различных машинерий. Обращаясь к истокам понятия ситуативности в трудах Гофмана и Сакса, авторы демонстрируют, что для противоборствующих сторон локализация феноменов внутри ситуаций является аналитическим решением относительно того, что можно увидеть в эмпирических данных. В противоположность этому, различие позиции аналитика и участника взаимодействия смещает фокус исследовательского внимания на то, как машинерии становятся релевантными для взаимодействующих, то есть как реализуется их повсеместная релевантность. Авторы аргументируют, что это более продуктивная постановка вопроса, чем вопрос о границах ситуации.

Ключевые слова: ситуативность, организация действия, порядок взаимодействия, радикальная этнометодология, когнитивизм, аналитическое и обыденное

Mikael D. Belov¹

MSEES, Moscow, Russia

Maria A. Erofeeva²

RANEPa, MSEES, Moscow, Russia

Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversation Analysis

51

Abstract:

Over the lifetime of Conversation Analysis (CA), scholars have discovered many systems of action organisation (machineries) describing how conversational turns occur, what actions are expected, and how intersubjectivity in conversation is maintained. However, when John Heritage proposed a new machinery that examines the knowledge orientation of participants in interactions, a debate broke out between conversation analysts in which Michael Lynch and his colleagues in radical ethnomethodology descend upon on epistemics. The controversy begins with Lynch accusing Heritage of cognitivism and the extra-situational nature of epistemics, while research on ethnomethodology and conversation analysis has traditionally focused on situated action. The discussion of epistemics points to an internal tension in CA as to where the boundaries of situations lie and what, therefore, can be the focus of CA. This article reactualises the problem of

-
- 1 Belov Mikael Dmitrievich — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
 - 2 Erofeeva Maria Aleksandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

situationality in CA by analysing the arguments in the debate on epistemics. The authors show that epistemics and the debates surrounding it constitute a serious test for CA, revealing a conceptual problem that has hitherto been obscured — the relation and potential hierarchy of different machineries. Turning to the origins of the concept of situationality in the writings of Goffman and Sacks, the authors demonstrate that for opposing sides, the localisation of phenomena within situations is an analytical decision about what can be seen in empirical data. In contrast, distinguishing between the position of the analyst and the participant in the interaction shifts the analyst's attention to how the machineries become relevant to the interactants, that is, how their omnirelevance is realised. The authors argue that this is a more productive formulation of the question than that of the boundaries of the situation.

Keywords: situationality, action organization, interaction order, radical ethnomethodology, cognitivism, analytical and lay

52

В центре внимания этой статьи находится одна академическая дискуссия в одном академическом поле. Конверс-анализ, или конверсационный анализ (CA — Conversation Analysis) — это теория и методология изучения социального взаимодействия и использования языка в «естественных» условиях. CA основывается на предположении, что действия людей упорядочены на микроуровне, и что эта упорядоченность является продуктом общих методов структурирования взаимодействия [Sacks et al. 1974; Schegloff 1968]. Цель CA — выявить и описать эти базовые структуры посредством детального анализа естественно протекающих разговоров и других социальных взаимодействий. Для этого конверс-аналитики обращаются к аудио-и/или видеозаписям, которые подробно транскрибируются для облегчения анализа деталей — интонаций, длины пауз, придыханий и прочих речевых особенностей. Этот подход был предложен Эмануэлем Шеглоффом, Харви Саксом и Гейл Джефферсон в 1960-х годах как альтернатива доминирующим в то время теориям повседневного социального взаимодействия, которые фокусировались на культурном и социальном контексте, а не на мельчайших деталях осуществления социальных действий. За последние 60 лет CA превратился в обширное динамичное сообщество ученых, работающих на разных языках, в разных институциональных контекстах и дисциплинах.

Конверс-аналитики обнаружили и исследовали фундаментальные «общие порядки организации разговора во взаимодействии» [Schegloff 2006: 83].¹ Самым известным из них является система

1 Общего термина для этой группы явлений не существует. Например, Сакс называет их «машинериями», используя механистическую метафору и говоря о порядках взаимодействия как о механизмах, позволяющих

чередования говорящих (turn-taking) [Sacks et al. 1974]. Это машинерия, которая локально управляется участниками для передачи права и/или обязанности говорить следующему спикеру. Благодаря ей достигается состояние, когда говорит только один человек за раз, и происходит смена говорящих, что является фундаментальным условием достижения взаимопонимания. Система чередования говорящих основывается на идее Сакса о «следующности» (nextness) — взаимосвязи между текущим чередом и чередом, ему предшествующим, исходя из которого формируется нынешний черед [Sacks 1987]. Например, вопрос делает релевантным ответ (так отдельные социальные действия складываются в последовательности, которые также структурируют разговор на фундаментальном уровне, см. [Schegloff 2007]), но также предполагает смену говорящего.

Со временем конверс-аналитики открывали все больше и больше порядков организации действия. К системе чередования говорящих добавились системы организации последовательностей (sequence organisation), починка (repair) и система предпочтения (preference). Все эти порядки раскрывали фундаментальные принципы, лежащие в основе социального взаимодействия: как действия связываются между собой, как поддерживается интерсубъективность, каковы ожидания людей относительно того, какое действие должно быть следующим. Казалось, что это кумулятивное движение будет мирно продолжаться, пока не будут обнаружены все принципы организации действия, однако нарушителем спокойствия стал новый введенный Джоном Херитеджем порядок — эпистемика, которая описывает способы передачи информации в разговоре. Согласно Херитеджу, эпистемика является ключевым компонентом разговора, поскольку она позволяет говорящим передавать свои знания и сигнализировать об уровне уверенности или неуверенности [Heritage 2012a; 2012b]. В ответ на введение новой системы организации действия Майкл Линч обвиняет Херитеджа в когнитивизме, так как принятие во внимание статуса знания является внеситуативным, и поэтому такое явление не может быть обнаружено в анализируе-

участникам использовать различные техники и ресурсы для организации своего участия в любом данном взаимодействии, независимо от того, кем они используются [Sacks 1984a]. В этом смысле у машинерий двойственная природа: они одновременно независимы от контекста, т. е. представляют собой общий принцип, и чувствительны к нему [Sacks et al. 1974], т. е. конкретное проявление этого принципа будет варьироваться в зависимости от ситуации. Также Сакс использует для обозначения машинерий такие выражения как «правила разговора» и «разговорный порядок» [Sacks 1992]. Херитедж, ссылаясь на Сакса, употребляет термин «порядки организации разговора» [Heritage 2018: 44].

мых данных: «он возвращается к скрытому когнитивному порядку, который лежит под или за поверхностью взаимодействия» [Lynch, Wong 2016: 4].

Дискуссия об эпистемике приобретает размах и, в сущности, разделяет конверс-аналитиков на два лагеря, возглавляемых живыми классиками Херитагеджем и Линчем. Стороны по-разному интерпретируют одни и те же данные и обвиняют друг друга в отходе от базовых принципов и некомпетентности [Lynch, Wong 2016; Raymond 2018]. Конверс-анализ фокусируется на «социальных и интеракционных аспектах взаимодействия и ориентации на них, а не на психологических» [Schegloff 2007: 61], поэтому обвинение в когнитивизме и эмпирически не обоснованных суждениях такого уважаемого конверс-аналитика как Херитеджд очень серьезно. Оно требует пересмотра предмета исследовательского интереса конверс-анализа и всего, сделанного в этой области до сих пор. Херитеджд понимает значимость предъявляемых к нему претензий, и только поэтому готов «потерять время» на ответы критикам, хотя считает их позиции «противоречащими самим себе и слабо аргументированными (а то и вовсе не аргументированными)» и несмотря на то что спор по поводу текстов «не [по]способствует развитию знания о социальном взаимодействии» [Heritage 2018: 17].

54

Пожалуй, можно согласиться с Херитедждем в последнем пункте, однако дискуссия об эпистемике может пролить свет на то, как производится знание о социальном взаимодействии. Она указывает, что эпистемика оказывается последней каплей в поиске машинерий, которая заставляет поставить под вопрос саму аналитическую процедуру их выделения. Полемика такого масштаба может послужить в качестве диагностической процедуры для выявления фундаментальных теоретических проблем, которые требуют разрешения для дальнейшего развития академического поля, но по каким-то причинам до сих пор оставались в тени. Как мы покажем далее, такой проблемой для конверс-анализа является соотношение и потенциальная иерархия различных систем организации действия. Однако для того, чтобы понять, почему именно эпистемика, в отличие от всех остальных систем, наделала столько шума, необходимо сначала более подробно разобраться в аргументации сторон, а затем обратиться к базовым принципам и истокам конверс-анализа.

Дискуссия об эпистемике

В 2012 году выходят две статьи Херитеджда об эпистемике [Heritage 2012a; 2012b], а также его ответ комментаторам [Heritage 2012c]. Херитеджд пишет об «эпистемическом двигателе» взаимодействия,

управляющем тем, как говорящие через слова и действия передают слушателям свой эпистемический статус (уровень знаний/уверенности, а также прав и обязанностей что-то знать), который те признают или не признают. Вступая во взаимодействие, акторы занимают позиции на эпистемическом градиенте, который варьируется от статуса осведомленности (К+, от Knowledge) до незнания (К-). Поэтому эпистемический статус является относительным и принципиально изменчивым: как продукт взаимодействия он зависит от его темпоральной и последовательностной организации (это означает, что он может изменяться со временем и в результате совершения людьми действий в разговоре). При этом люди ориентируются на относительный эпистемический статус при формировании и интерпретации высказываний. Согласно Херитеджу, эпистемика — это важный аспект использования языка, поскольку она помогает говорящим и слушающим понять намерения, стоящие за разговорными действиями, и интерпретировать значения произносимых слов. В частности, Херитедж утверждает и эмпирически демонстрирует, что именно ориентация на эпистемический статус, а не морфосинтаксис или просодия, играет решающую роль в определении того, сообщает ли высказывание информацию или запрашивает ее. Попросту говоря, фраза, произнесенная без вопросительной интонации, может тем не менее быть воспринята как вопрос, если слушатель признает, что говорящий не осведомлен в интересующем его предмете.

Что важно, Херитедж наделяет эпистемику фундаментальным статусом, поскольку она покрывает огромное количество социальных действий: люди ориентируются на эпистемические статусы не только, когда что-то спрашивают, делятся новостями и рассказывают истории, но и когда о чем-то просят, предлагают, приглашают и т. д. Аргумент о вездесущности (*omnirelevance*) эпистемики указывает на то, что она пронизывает социальный мир и потенциально релевантна в любой момент разговора (т. е. любое действие может воплощать в себе ориентацию на осведомленность о чем-то или незнание). Именно это ставит ее в один ряд с другими системами организации действия. В конце своей второй статьи Херитедж, будто предвидя последующую критику, упоминает о том, что в эпистемике «нет ничего оккультного», что такой порядок организации действия присутствует настолько повсеместно, что в гарфинкелевском смысле является «видимым, но не замечаемым» [Heritage 2012b: 50].

В 2016 году выходит специальный выпуск журнала *Discourse Studies* «Эпистемика эпистемики», в котором в четырех статьях вырабатывается радикально-этнометодологическая критика эпистемического подхода. Руководит процессом и пишет введение к этому выпуску Майкл Линч.

Линч и Вонг [Lynch, Wong 2016] критикуют «эпистемическую программу» за опору на когнитивистские представления о коммуникации. По мнению авторов, эпистемика ставит во главу угла обмен информацией в социальном взаимодействии и рассматривает его как основную «движущую силу», а не как случайную особенность разговора-во-взаимодействии. Линч и Вонг утверждают, что такой акцент на обмене информацией соответствует когнитивистским концепциям коммуникации, которые рассматривают язык как средство передачи пропозиционального содержания («сообщения») между говорящими. Этот когнитивистский подход противоречит радикальной интеракционистской концепции разговора, предложенной Саксом, Шеглоффом и Джефферсон, которые подчеркивают контекстуальные и ситуативные факторы, определяющие использование языка. Важнейшим принципом СА является ориентация людей по ходу развертывающегося взаимодействия на действия друг друга, а не предзаданные структуры.

56

Эпистемическая программа, таким образом, нарушает базовые принципы конверс-анализа, где социальные действия рассматриваются как публично доступные, подотчетные (accountable). Смысл действий раскрывается в самом их осуществлении. Поэтому совершенно не важно, что находится у людей в головах, а важно то, как они демонстрируют другим (включая аналитиков), что они делают, и как другие демонстрируют в ответных действиях свои интерпретации. Ключевым доказательством того, как участники взаимодействия ориентируются на действия друг друга, является так называемое подтверждение следующим чередом (next-turn proof procedure), когда в следующей единице взаимодействия становится очевидным, как было понято высказывание или действие, совершенное ранее [Hutchby, Wooffitt 1999: 15]. Сакс, Шеглофф и Джефферсон подчеркивают, что такое понимание доступно как для самих взаимодействующих, так и для аналитика, что является основанием доказательности анализа: «Но хотя понимание чужой чередной реплики демонстрируется со-участникам, оно также доступно для профессиональных аналитиков, которые тем самым получают критерий подтверждения анализа (и процедуру поиска) того, что происходит в чередной реплике. Поскольку понимание участниками предыдущих чередных реплик релевантно для конструирования ими следующих чередов, их понимание необходимо для анализа. Демонстрация этого понимания в последующих чередных репликах предоставляет как ресурс для анализа предыдущих чередов, так и процедуру подтверждения профессионального анализа предыдущих чередов — ресурсы, присутствующие в самих данных» [Сакс и др. 2015: 190].

Таким образом, аналитическая оптика в СА всего лишь помогает приблизиться к обыденному восприятию взаимодействия, такому же, как у его непосредственных участников. Это означает, что конверс-аналитикам необходимо сначала смотреть на данные и из них выводить «порядок взаимодействия», а не искать аналитически предсконструированные паттерны в данных.

В противоположность этому, Линч и Вонг утверждают, что опора эпистемической программы на предположения об информации и знаниях полагается на специальные интерпретационные стратегии, которые приписывают говорящим определенные мотивы и ожидания *post hoc*. Иными словами, аналитический уровень понимания доминирует над обыденным. В сущности, все аргументы группы эпистемики сводятся к тому, что создается непреодолимый разрыв между позицией аналитика и самих действующих, что противоречит базовым теоретико-методологическим установкам СА.

Баттон и Шэррок делают обзор всех приведенных критических аргументов. Они утверждают, что акцент на роли эпистемического статуса в разговоре основан на ряде ошибок¹, включая неправильное понимание «процедуры доказательства» в СА. По их мнению, эпистемика фокусируется на собственной компетенции аналитика как собеседника в понимании действий. Авторы подчеркивают, что следующий черед не является «доказательством» для аналитика, что он правильно проинтерпретировал предшествующее высказывание, а представляет собой практический инструмент, помогающий участникам понимать, как было воспринято их действие. Еще одной ошибкой является опора на вмененные когнитивные механизмы для понимания разговора. Вместо этого конверс-анализ должен изучать организацию действия с акцентом на взаимодействие, а не на действующего, и не прибегать к абстрактным аналитическим конструкциям [Button, Sharrock 2016]. Другие критики из того же лагеря отмечают, что эпистемический подход опирается на когнитивные предположения и абстракции, которые не поддаются прямому наблюдению в данных и поэтому не могут быть использованы для получения строгих и надежных эмпирических результатов [Lindwall et al. 2016]. Линч и Макбет суммируют во введении к выпуску, что эпистемический порядок — это не просто еще одна машинерия, а отдельная система обмена информацией, которая находится на совершенно другом уровне

¹ В наши цели не входит полноценный обзор дискуссии, поэтому мы ограничимся только теми аргументами, которые релевантны для этого рассуждения.

анализа и поэтому нерелевантна для СА и противоречит предшествующим работам в этой области [Lynch, Macbeth 2016]. Помещая эпистемику на отдельный уровень, радикальные этнометодологи создают зазор между различными системами организации действия (даже если одна из них, с их точки зрения, выходит за границы порядка взаимодействия).

Несмотря на заявление редакции Discourse Studies, что статьи про эпистемику больше не принимаются, через два года выходит новый специальный выпуск, посвященный эпистемике. В нем известные конверс-аналитики, включая самого Херитеджа, опровергают критику со стороны радикальных этнометодологов. Херитедж утверждает, что его работа не является «когнитивистской» в том смысле, что она не полагается на обращение к внешнему знанию для объяснения значений разговорных действий, а скорее фокусируется на нормативной подотчетности (normative accountability) социального действия [Heritage 2018]. Так, он демонстрирует, что вопрос-ответные секвенции могут быть переоткрыты и расширены, даже если был достигнут эпистемический баланс (на вопрос был получен ответ). Расширение последовательностей после закрытия (post-expansion), например, вопрос на уточнение информации, иллюстрирует его тезис о том, что выражения эпистемического дисбаланса, на которые ориентируются сами участники, служат двигателем разговора (drive sequences), но далеко не только они. Понимаемый таким образом, эпистемический подход не противоречит основам и базовым принципам СА. Таким образом, эпистемика является фундаментальным и неизбежным элементом формирования действий-во-взаимодействии, имеющим отношение ко всем аспектам разговора, а не только к тем, которые связаны с явными утверждениями о знании, и потому ее следует рассматривать как одну из систем организации действия. Таким образом, Херитедж возвращает эпистемику на уровень самих действующих, но рассуждение о том, что движет разговором в каждом конкретном случае, ставит вопрос о соотношении различных систем организации действия.

По ходу чтения данной дискуссии нельзя не задаваться вопросом о том, как вообще возможно такое сильное недопонимание между учеными из одного и того же поля. Складывающаяся ситуация отлично отражена в названии статьи Реймнода «Какая эпистемика? Чей конверсационный анализ?» [Ibid.], отсылающая к известной книге Аласдера Макинтайра «Чья справедливость? Какая рациональность?» [MacIntyre 1988], в которой читателю предлагается несколько исторически сложившихся систем рациональности как базовых аппаратов формирования действия и суждений об окружающем мире, параллельных и потому не противоречивых, так как они являются принципиально разными. И хотя Реймонд не подразуме-

вает права на существование позиции радикальных этнометодологов и не признает ее, утверждая, что она попросту неверна, он признает наличие фундаментального противоречия между лагерями Херитеджа и радикальных этнометодологов.

Несмотря на то, что из последующего текста Линча следует, что контраргументы Херитеджа оказались для него неубедительными [Lynch 2018], непримиримые противники оказываются союзниками в том смысле, что оба автора увеличивают разрыв между эпистемикой и другими порядками: Линч — располагая эпистемикой на другом уровне анализа, Херитедж — делая явной ее отличие от других систем. Иными словами, дискуссия об эпистемике подсвечивает ранее остававшуюся в тени проблему соположения машинерий и их локализации относительно ситуации. Наличие единого концептуального истока дискуссии не позволяет нам сказать, что интерпретации Херитеджа и Линча параллельны; хотя у противоборствующих сторон разные представления, первично они оперируют одним и тем же понятием и его параметрами для выстраивания своей аргументационной стратегии. Это понятие — ситуация, а ключевой параметр — ее границы.

Истоки дискуссии: порядок взаимодействия

Дискуссия об эпистемике возвращает нас к фундаментальным проблемам, на основе которых когда-то зарождалась микросоциология. Ирвинг Гофман в своем президентском послании Американской социологической ассоциации [Goffman 1983; Гофман 2014] вводит понятие порядка взаимодействия как отдельной реальности, отличной от социального порядка, но взаимосвязанной с последним. Порядок взаимодействия разворачивается в ситуациях лицом-к-лицу, окруженных своего рода проницаемой мембраной, «фильтрующей то, каким образом во взаимодействии будут задействоваться разнообразные внешне релевантные социальные различия», относящиеся к социальному порядку (например, класс или гендер) [Гофман 2014: 187]. Гофман настаивает на специфике порядка взаимодействия и принципиальной автономии таких феноменов, как организация приветствий и прощаний, выражения вежливости и почтительности, управление совместным вниманием и участием, ролевые распределения и многих других. Это позволяет перейти от рассмотрения «просто включенного в ситуацию к ситуационному <...> к тому, что могло бы произойти только в ситуациях лицом-к-лицу» [Там же: 167].

Различение Гофмана впоследствии проникает в этнометодологию и разговорный анализ (EMCA) [Sacks 1992: 619; Drew, Wootton 1988], где претерпевает существенные изменения. В частности, ситуационность приобретает не только аналитическое, но и онто-

логическое первенство, в то время как Гофман полагал социальный порядок «первичным во всех отношениях» [Гофман 2004: 74]. Противопоставляя себя более широким объяснениям человеческого поведения, например, культурным или психологическим [Lynch 1994, 2012; Rawls 2013], ученые, занимающиеся ЕМСА, фокусируются на том, как люди осмысливают и создают социальный порядок *in situ*. ЕМСА как область исследований направлена на понимание конкретного контекста и обстоятельств, в которых происходит социальное взаимодействие, а не на обобщение социального поведения в различных контекстах или ситуациях, что присуще сторонникам психологического или культурного объяснения. Одним из ключевых принципов ЕМСА является идея о том, что у людей есть свои собственные, созданные на локальном уровне методы понимания социального порядка (так называемые этнометоды), которые они используют для взаимодействия с другими людьми в той или иной ситуации [Gaffinkel 1996]. Это означает, что ЕМСА подчеркивает важность изучения социальных взаимодействий в их реальных, локальных контекстах взамен опоры на абстрактные категории понимания социального поведения. Иными словами, главным методологическим отличием ЕМСА является ситуативный подход к изучаемому материалу.

60

Провозгласив ситуационное взаимодействие своим аналитическим фокусом, ученые, занимающиеся ЕМСА, пытаются соревноваться в том, кому принадлежит право называться настоящим наследником «порядка взаимодействия». В дискуссии об эпистемике как Линч, так и Херитедж обращаются к понятию ситуационного, а также связанным с ним терминам, которые позволяют как конкретизировать, так и отличить его от других явлений. В частности, Линч для критики эпистемике как выходящей за пределы ситуации работает с гофмановским понятием внеситуационного (*extrasituational*).

Сам же Гофман вводит понятие ситуационного через противопоставление ему как внеситуационного, так и того, что «просто включено в ситуацию», но на что участники взаимодействия *не ориентируются*. Таким образом, ключевой характеристикой ситуационности у Гофмана является ориентация участников на факторы внутри взаимодействия. Говоря о внеситуационном, Гофман подчеркивает «внеситуативную» природу таких параметров, как «когнитивные отношения» и «сложившаяся биография предыдущих отношений».¹

1 Стоит отметить, что Гофман не отказывается полностью от значимости внеситуационного для понимания взаимодействия, а, напротив, подчеркивает важность внеситуативных факторов для исследования порядка взаимодействия [Goffman 1983: 4–5].

Гофман вводит различие внеситуационного и ситуационного, оставляя пространство для интерпретации, так как в строгом смысле определения не приводит. С одной стороны, экстра-ситуативными являются те факторы, которые не связаны с конкретной ситуацией (собственно, приводимый Гофманом пример с биографической ситуацией человека сюда отлично подходит); с другой стороны, под экстра-ситуативным могут пониматься те факторы, которые невозможно обнаружить в ситуации (например, что участник взаимодействия думает на данный момент, или к какому классу он принадлежит, если это напрямую не явлено в его внешнем виде). Так или иначе, эпистемика, с точки зрения Линча, экстра-ситуативна в обоих этих смыслах.

Херитедж, оппонируя Линчу, принимает его правила игры, отрицая внеситуационность своего подхода и оставляя экстра-ситуативные факторы за скобками. Вместо этого он использует понятие транс-ситуативного, впервые введенное Саксом для характеристики разговорных машинерий¹. Тем самым он утверждает, что эпистемика обладает теми же свойствами, что и другие машинерии, и потому должна быть признана одним из равноправных порядков организации действия. Херитедж понимает транс-ситуативное как относящееся к *общему* принципу, проявляющемуся в *конкретной* ситуации. Иными словами, действие машинерии видимо в единичной ситуации, но ею совсем не ограничивается [Heritage 2018]. Таким образом, в одном из прочтений открывается возможность соединения событий, произошедших в разных ситуациях. С одной стороны, речь идет о локальных проявлениях одного и того же феномена, например, разные формы приветствия в зависимости от отношений между говорящими². С другой стороны, транс-ситуативность может быть понята как принцип преемственности ситуаций и объединения их в последовательности, например, когда один из участников ситуации ссылается на события, произошедшие в предыдущей ситуации (ситуациях).

1 Помимо этого, рассуждая о том, что и как изучает конверс-анализ, Сакс говорит о неизбежности принятия во внимание как данных, так и собственного опыта для необходимой степени обобщения и понимания повседневности и обычности изучаемого; в некотором смысле, именно обыденный опыт, согласно Саксу, позволяет нам сформировать аналитическое зрение [Sacks 1984b]. Таким образом, Сакс вовсе не продвигает тезис, защищаемый радикальными этнометодологами, о том, что в своих исследованиях ученые, занимающиеся ЕМСА, должны опираться сугубо на ситуационные данные.

2 На этом понимании основана конверс-аналитическая идея сбора коллекций — совокупности случаев, иллюстрирующих разнообразие работы машинерии.

Таким образом, в обобщенной типологии присутствуют три концепта: ситуативное, экстра-ситуативное и транс-ситуативное. Взгляды Херитеджа и Линча на соответствующие уровни анализа представлены на рисунке 1. При прочтении данной схемы стоит учитывать, как эти уровни проявляются в данных, что, с точки зрения ЕМСА, делает их доступными для эмпирического анализа. Ситуативное всегда видно и заметно внутри данных; не отражаются в данных только те ситуативные факторы, которые остаются вне данных, то есть контекстуально релевантные, но не присутствующие, «обрезанные» данные (например, если у нас есть только аудиозапись взаимодействия лицом-к-лицу). Транс-ситуативные факторы проявляются в единичных ситуациях, но становятся видимы только компаративно (пример на аналитическом уровне см. [Schegloff 1997; Goodwin 2018]) при наличии взаимосвязанного общего контекста нескольких ситуаций, через которые явление становится в них видимым как закономерность. Экстра-ситуативное — то, что является постоянным вне ситуации, и хоть и может влиять на взаимодействие, практически никогда не находит прямого отражения в ней.

62

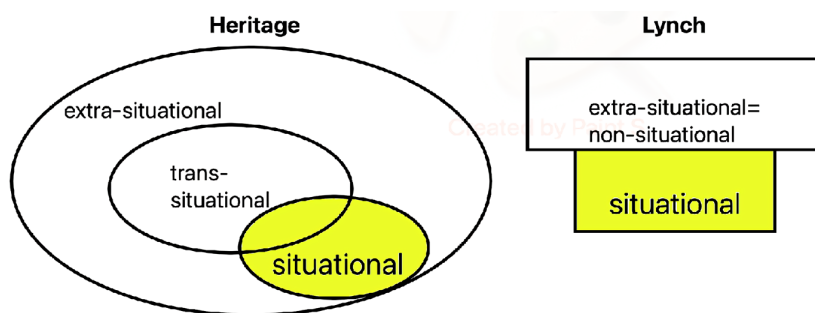

Рис. 1. Порядки взаимодействия и соответствующие им уровни анализа в моделях Херитеджа и Линча. Области, выделенные цветом, — то, что доступно для эмпирического анализа.

Fig. 1. Interaction orders and their respective analytic levels in Heritage and Lynch. Coloured fields represent what is available for empirical scrutiny.

Как видно, для радикальных этнометодологов существует аналитическая дихотомия между ситуативными и внеситуативными/экстра-ситуативными феноменами. Схема ситуационных явлений у Херитеджа гораздо сложнее: внеситуативные (или, как выражается он сам, внеконверсационные [Heritage 2018: 35-38]) феномены могут быть зафиксированы в данных и влиять на ситуацию (такие как отношения между говорящими или их намерения); существу-

ют транс-ситуативные механизмы, которые не ограничиваются данными, присутствующими в ситуации, и могут выходить за ее пределы. Однако анализ может быть проведен только на основе имеющихся данных как свидетельства *наблюдаемых* явлений. Соответственно, основное различие в этих взглядах заключается в том, что можно увидеть в данных, а не в порядке и соотношении систем организации разговора, поскольку выводы обоих доказательно основаны на данных. Так, например, Херитедж и Линч предлагают два разных анализа одного и того же фрагмента (см. Рис. 2).

1	Ron:	I fergot t'tell y'the two best things that
2		happen'tuh me t'day.
3	Bea:	Oh super.=What were they
4	Ron:	I gotta B plus on my math test,
5	Bea:	On yer final?
6	Ron:	Un huh?
7	Bea:	→ Oh that's wonderful
8	Ron:	And I got athletic award.
9	Bea:	REALLY?
10	Ron:	Uh huh. From Sports Club.
11	Bea:	→ Oh that's terrific Ronald.

63

Рис. 2. Роль лексемы «oh» в сообщении хороших новостей. Пример из: [Heritage 2012b: 31], цит. по: [Lynch, Wong 2016: 12].

Fig. 2. The role of the token “oh” in reporting good news. Example from: [Heritage 2012b: 31], cited by: [Lynch, Wong 2016: 12].

Главным образом их несогласие касается роли лексемы “oh” в 7 и 11 строчках, где “oh” предшествует оценочному высказыванию. Херитедж утверждает, что “oh” является лексемой изменения состояния (change-of-state token), предшествующей оценочному суждению относительно представленной другим говорящим информации, и свидетельствует о пред-оценочной идентификации предыдущего высказывания как новости [Heritage 2012b]. В противоположность этому, Линч и Вонг парируют, что если убрать “oh” из 7 и 11 строчек, ничего не изменится не только в этих конкретных строках, но и во всем взаимодействии, так как об оценке, следующей за “oh”, ясно из остальной части диалога: предупреждения о хороших новостях в строках 1 и 2 и первичной готовности выслушать отличные новости (строка 2). Кроме того, критики утверждают, что анализ Херитеджа скорее основан на поиске определенных абстрактных паттернов, чем на действительно существующих структурах разговора и объективных доказательствах, потому что он трактует «oh»

и следующую за ним часть высказывания как два *отдельных* ответа, что не видно в данных [Lynch, Wong 2016].

Последний из приведенных аргументов может указывать на то, что разногласия между сторонами не являются чисто аналитическими (как интерпретировать данные). Однако структура оценочного высказывания, описанная в классической СА литературе [Jefferson 1993], включающая два компонента — компонент начала череда («oh» или «well») и оценочный термин, — не во всех случаях предполагает наличие микропаузы или интонационной остановки между компонентами, что зримо бы их разделило. Поэтому трактовка строк 7 и 11 как одного или двух действий (двух частей одного действия) — это аналитический выбор. В данном кейсе видно, что Херитедж обращает внимание на те характеристики разговора, которые для Линча не локализованы в том же месте, а распространены на весь диалог.

Таким образом, Херитедж в одних и тех же данных может наблюдать действие гораздо большего числа машинерий как транс-ситуационных феноменов, чем предполагают радикальные этнометодологи. Он видит в них пересечение сразу двух систем организации разговора — эпистемики, отвечающей за прием новостей, и системы организации последовательностей, предполагающей оценку как возможный ответ на сообщение новости. Анализ Херитеджа возвращает нас к проблеме, которая была обозначена еще Гофманом и с которой неявно соглашается Линч, когда обращается к понятию экстраситуационного: «отношения между порядками составляют важный самостоятельный предмет исследования, которое предполагает прежде всего разграничение нескольких социальных порядков» [Гофман 2014: 167]. Далее мы покажем, что эта проблема не может быть решена чисто на аналитическом уровне, а имеет онтологическое измерение. Для этого мы обратимся к классическому анализу работы другой машинерии — починки.

64

Починка после двадцать третьего череда

Один из аргументов Херитеджа против Линча строится на повсеместности и вездесущей релевантности (*omnirelevance*) ориентации на знание. В доказательство он приводит, например, грамматические структуры языков, так как все языки имеют выражения для обозначения статуса и/или позиции знания [Heritage 2018]. Однако в попытке защитить эпистемику, в частности относительно ее вездесущности, Херитедж не проводит никакого различия между машинериями. Линч, напротив, не признавая эпистемику и размещая ее за границами ситуации, закладывает основу вопрошания о некоторой иерархии и соположении машинерий. Так, например,

организация передачи череда и эпистемика могут быть повсеместно релевантными в любом взаимодействии, так как в каждый момент разговора осуществляется организация передачи череда как права и/или обязанности говорить; в случае с эпистемикой каждое высказывание можно рассмотреть как ориентированное на решение той или иной задачи, связанной с передачей знания и изменением эпистемических статусов и позиций. Труднее в этом отношении обстоят дела с починкой: не будучи осуществляемой в каждый момент диалога, это явление поднимает вопрос о границах осуществления починки.

Починка (repair) — практика в диалоге, включающая исправление недопонимания, связанного с некорректным произнесением, восприятием или пониманием диалога [Sacks et al. 1977]. Починка позволяет восстановить интерсубъективность [Schegloff 1992], принимая различные формы, такие как запросы на уточнение и уточнения, рестарты и парафраз, которые можно классифицировать как явные или неявные. Починка является важным аспектом разговора и помогает гарантировать, что недопонимание не нарушит ход беседы. Принято выделять несколько разновидностей починки, среди которых починка, инициированная говорящим, и починка, инициированная слушателем. Сакс, Щеглофф и Джефферсон отмечают, что структурно предпочитается первый тип, так как первая возможность для осуществления починки возникает именно у говорящего [Sacks et al. 1977].

65

Щеглофф в классической статье приводит анализ целого ряда примеров починки после следующего череда [Schegloff 1992]. Это тип починки, когда источник затруднения в речи говорящего не был замечен ни им самим, ни его слушателем, но по ответу последнего говорящий осознает, что его неправильно поняли, и вслед за этим осуществляет починку. Возможно также еще более позднее осуществление починки, когда именно слушатель осознает, что неправильно понял изначальное высказывание, хотя сразу этого не заметил. Щеглофф называет такой тип починки последней структурно обусловленной защитой интерсубъективности, поскольку после этого момента «нет систематического обеспечения для выявления расхождений в понимании» [Ibid: 1325]. Иными словами, если источник затруднения и его неверная интерпретация в следующем чередке остаются незамеченными, после этого собеседники могут столкнуться с фактом недопонимания разве что случайно.

Последний пример в работе Щеглоффа, состоящий из двух отдельных фрагментов диалога на радио, как раз иллюстрирует подобную ситуацию. В первом приведенном отрывке радиоведущий и дозвонившийся на радио обсуждают возможность вывода войск из Вьетнама. Разговор становится напряженным, поскольку оба

собеседника теряют понимание того, о чем они говорят, и делают ссылки как на Южную Корею, так и на Южный Вьетнам, что приводит к недопониманию и разногласиям. Разговор прерывается рекламой и несколькими другими звонками, однако в следующем приведенном фрагменте он продолжается, радиоведущий и звонящий проясняют сложившееся недопонимание, приносят извинения, и разговор заканчивается на дружеской ноте.

В этом примере представлены две отдельные, но связанные ситуации, и во второй из них происходит починка по отношению к потере интересубъективности, которая произошла в первой. Этот кейс поднимает множество вопросов о границах ситуации. Может ли починка быть осуществлена относительно потери интересубъективности, произошедшей неделю назад? Насколько ситуационно локальным должен быть материал, и какова степень применимости выводов из него? Противоречит ли Щеглофф сам себе, анализируя прерванное взаимодействие как связанное, и каков, в таком случае, максимальный перерыв между частями взаимодействия для того, чтобы его можно было рассматривать как целостное и, следовательно, подходящее для конверс-аналитиков в качестве предмета исследования? И, самое главное, примером чего является этот кейс?

66

С одной стороны, это пример починки. Однако эта починка видна только в одной ситуации — второй — и не требует анализа предыдущей ситуации. При этом для понимания того, по отношению к чему она происходит, где и как произошли потеря и восстановление интересубъективности, то есть чтобы *увидеть работу машинерии*, необходимы предшествующие данные. С другой стороны, в первой ситуации нет потери интересубъективности, если смотреть на нее изолированно. На уровне диалога есть негативные оценки, оскорбления и т. д. [Ibid.: 1336-1337], но участники не демонстрируют друг другу недопонимание. Следовательно, именно профессиональный аналитик сопоставляет эти ситуации и данные и делает вывод о потере интересубъективности. Он мог бы с тем же успехом сконцентрировать свое исследовательское внимание на первой ситуации и анализировать негативные оценки. Тогда этот кейс не был бы классифицирован как кейс, относящийся к починке. Чтобы увидеть починку в этих двух фрагментах, аналитику необходимо выйти за пределы ситуации и оценить явления *трансситуативно*, переопределить границы ситуации.

Нетрудно заметить, что для участников взаимодействия, независимо от избранного аналитического фокуса, это ситуация потери и восстановления интересубъективности (о которой аналитик мог узнать, только потому что имел доступ к обоим звонкам). Каждый из них был раздосадован некомпетентностью собеседника, и наверняка оба почувствовали облегчение, когда прояснили, что дело было в простом недопонимании. Щеглофф в данном случае не следует

никакому четкому представлению о границах ситуации, а старается учитывать то, на что ориентируются акторы, пусть для этого и приходится прибегать к объединению двух частей прерванного взаимодействия. Из этого следует лишь один вывод: проведение границ ситуации должно опираться на то, как участники взаимодействия проводят эти границы; иначе говоря, границы ситуации должны быть обыденными или по крайней мере стремиться к этому, насколько позволяет аналитическая позиция в принципе. Щеглофф различает ориентации аналитика и участников, в то время как цель такой аналитической позиции остается той же — «установить версию ... того, что происходило в ней [ситуации] для участников» [Schegloff 1997: 174]. Получается, что независимо от того, куда смотрит аналитик, машинерия починки не перестает работать [Collins, Evans 2014].

Однако это не совсем так. Этот кейс примечателен тем, что это пример *неуспешной* починки после следующего череда. Согласно определению, анализируемый Щеглоффом тип починки как машинерия предоставляет говорящим структурную возможность защитить интерсубъективность *сразу* после того, как затруднение становится заметным в следующем черед. В данном случае участники не воспользовались этой возможностью — потому что не заметили источник затруднения вовремя. Соответственно, машинерия починки оказалась для них нерелевантной. Более того, именно участники вновь приводят ее в действие, когда осуществляют починку источника затруднения не после следующего череда, а после условного двадцать третьего череда. Иными словами, здесь работает не машинерия как структурный оплот интерсубъективности, а участники чинят ее «вручную», подобно тому, как иногда нужно подтолкнуть машину, чтобы она завелась и поехала.

Наблюдаемый здесь феномен — это починка, но не починка после следующего череда. Это явление транс-ситуативно в обоих смыслах, о которых мы упомянули в предыдущем разделе: это проявление действия машинерии в разных ситуациях, но эти ситуации были объединены в последовательность самими участниками. Транс-ситуативность починки в данном случае была обеспечена не исправно работающей машинерией, а взаимодействующими, которые распределили ее на несколько отрезков взаимодействия: источник затруднения локализован в первом звонке, починка же осуществляется во втором.

Данный кейс как пример ситуации, когда люди *не ориентируются* на систему починки, позволяет нам вернуться к вопросу о повсеместной релевантности систем организации действия. Тезис о повсеместной релевантности и тезис о релевантности подчеркивают различие между автономными действиями машинерий и взаимодействующих, которые на них ориентируются. Системы органи-

зации действия со всеми их структурными особенностями всегда доступны для участников, но это не значит, что они становятся релевантными в каждый момент разговора. В этом смысле все машинерии повсеместно релевантны — они присутствуют в ситуации в качестве инфраструктуры взаимодействия [Schegloff 1992], которая может быть использована в каждый отдельный момент, но не обязательно используется. Так, починка не осуществляется каждую секунду, даже когда происходит потеря intersубъективности; люди не ориентируются на статус знания в каждом высказывании; более того, даже передача череда не происходит в каждом релевантном месте перехода.

В контексте рассуждения о ситуациях и их границах это означает, что абсолютно все системы организации действия находятся в ситуациях, но далеко не всегда являются ситуационными. Когда радикальные этнометодологи ограничивают сферу своего интереса исключительно ситуационным, они порывают с наследием классического СА. Именно на этот явно не постулируемый разрыв направлено развиваемое в этом направлении понятие гештальт-контекста — отличительно-идентифицирующих феноменальных деталей *in vivo*, которые составляют конкретную обстановку (setting) и никакую другую [Wieder 1974]. Это один путь. Другой — в поиске того, что можно назвать правилами релевантности. Вместо того чтобы спорить, находятся ли машинерии внутри ситуации или за ее пределами, гораздо продуктивнее задать классический конверс-аналитический вопрос «Почему это сейчас?» применительно к их действию (почему та или иная машинерия сейчас стала релевантной для участников). Например, Стайверс и Робинсон обнаруживают, что система предпочтения иерархизирована: предпочтение ответа в разговоре доминирует над предпочтением того, чтобы отвечал назначенный спикер [Stivers, Robinson 2006]. Гудвин указывает, что вопросы эпистемики релевантны только для определенных типов социальных действий (просьбы, информирование, слухи, рассказывание историй) [Goodwin 2018]. Двигаясь по этому пути, можно начать нащупывать паттерны соотношения машинерий с действиями людей и друг относительно друга.

68

Библиография / References

Гофман И. (2004) *Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта*. Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение».

— Goffman E. (2004) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. RAS Sociological institute, 'Public opinion' foundation institute. — in Russ.

Гофман И. (2014) Порядок взаимодействия. *Социология власти*, 14 (1): 163-199.

— Goffman E. (2014) The interaction order. *Sociology of power*, 14 (1): 163-199.

Сакс Х., Шеглофф Э. А., Джефферсон Г. (2015) Простейшая систематика организации очередности в разговоре. *Социологическое обозрение*, 14(1): 142-202.

— Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (2015) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Russian Sociological Review*, 14(1): 142-202.

Button G., Sharrock W. (2016) In support of conversation analysis' radical agenda. *Discourse Studies*, 18 (5): 610-620.

Collins H., Evans R. (2014) Actor and Analyst: A response to Coopmans and Button. *Social Studies of Science*, 44 (5): 786-792.

Bolden G. B. (2018) Speaking 'out of turn': Epistemics in action in other-initiated repair. *Discourse Studies*, 20 (1): 142-162.

Clift R., Raymond C. W. (2018) Actions in practice: On details in collections. *Discourse Studies*, 20 (1): 90-119.

Drew P., Wootton A. (1988) *Erving Goffman: Exploring the interaction order*. Cambridge: Polity Press.

Drew P. (2018) Epistemics in social interaction. *Discourse Studies*, 20 (1): 163-187.

Jefferson G. (1993). Caveat speaker: preliminary notes on recipient topic-shift implicature. *Research on Language and Social Interaction*, 26: 1-30.

Jefferson G., Sacks H., Schegloff E. A. (1977) The preference for self-correction in the organization of repair in conversation. *Language*, 53 (2): 361-382.

Garfinkel H. (1996) Ethnomethodology's Program. *Social Psychology Quarterly*, 59 (1): 5-21.

Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Goffman E. (1974) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Harvard University Press.

Goffman E. (1983) The interaction order. *American Sociological Review*, 48 (1): 1-17.

Goodwin, C. (2018). Intertwined knowing. In *Co-operative Action* (pp. 93-104). Cambridge University Press.

Heritage J. (2012a) Epistemics in action: Action formation and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 1-29.

Heritage J. (2012b) The epistemic engine: Sequence organization and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 30-52.

Heritage J. (2012c) Beyond and behind the words: Some reactions to my commentators. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 76-81.

Heritage J. (2018) The ubiquity of epistemics: A rebuttal to the 'epistemics of epistemics' group. *Discourse Studies*, 20 (1): 14-56.

Hutchby I., Wooffitt R. (2008) *Conversation analysis: Principles, practices, and applications (2nd ed.)*. Cambridge: Polity Press.

Lindwall O., Lymer G., Ivarsson J. (2016) Epistemic status and the recognizability of social actions. *Discourse Studies*, 18 (5): 500-525.

Lynch M., Macbeth D. (2016) The epistemics of epistemics: An introduction. *Discourse Studies*, 18 (5): 493-499.

- Lynch M. (1994) *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lynch M. (2012) Revisiting the Cultural Dope. *Human Studies*, 35 (2): 223-233.
- Lynch M., Wong J. (2016) Reverting to a hidden interactional order: Epistemics, informationism, and conversation analysis. *Discourse Studies*, 18 (5): 526-549.
- Lynch M. (2018) *Notes on a display of epistemic authority: A rejoinder to John Heritage's rebuttal to "The epistemics of Epistemics"*. <https://radicalethno.org/documents/lynchrejoinder.pdf>
- McIntyre A. (1988) *Whose Justice? Which Rationality?* University of Notre Dame Press.
- Maynard D. W., Clayman S. E. (2018) Mandarin ethnomethodology or mutual interchange? *Discourse Studies*, 20 (1): 120-141.
- Rawls A. W. (2013) The early years, 1939-1953: Garfinkel at North Carolina, Harvard and Princeton. *Journal of Classical Sociology*, 13 (2): 303-312.
- Raymond G. (2018) Which epistemics? Whose conversation analysis? *Discourse Studies*, 20 (1): 57-89.
- Sacks H. (1984a) Notes on methodology. J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.). *Structures of Social Action*. Cambridge: Cambridge University Press: 21-27.
- 70 Sacks H. (1984b) On doing "being ordinary". J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.). *Structures of Social Action*. Cambridge: Cambridge University Press: 413-429.
- Sacks H. (1987) On the preferences for agreement and contiguity in sequences in conversation. G. Button, J. R. E. Lee (eds.). *Talk and social organisation*. Clevedon: Multilingual Matters: 54-69.
- Sacks H. (1992) *Lectures on conversation, 2 Vols. (Fall 1964-Spring 1972)*. Blackwell.
- Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (1974) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 50 (4): 696-735.
- Schegloff E. A. (1968) Sequencing in conversational openings. *American Anthropologist*, 70 (6): 1075-1095.
- Schegloff E. A. (1992) Repair After Next Turn: The Last Structurally Provided Defense of Intersubjectivity in Conversation. *American Journal of Sociology*, 97 (5): 1295-1345.
- Schegloff E. A. (1997) Whose text? Whose context? *Discourse and Society*, 8 (2): 165-187.
- Schegloff E. A. (2006) Interaction: The infrastructure for social institutions, the natural ecological niche for language and the arena in which culture is enacted. N. J. Enfield, S. C. Levinson (eds.) *The Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction*. Berg: 70-96.
- Schegloff E. (2007) *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis I*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schütz A. (1962) The problem of social reality. *Collected papers, volume 1*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Stivers T., Robinson J. D. (2006) A preference for progressivity in interaction. *Language in Society*, 35: 367-392.
- Wieder D. L. (1974) *Language and Social Reality*. Mouton.

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д., Ерофеева М. А. (2022) Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в разговорном анализе. *Социология власти*, 34 (3-4): 50-71.

For citations:

Belov M. D., Erofeeva M. A. (2022) Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversation Analysis. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 50-71.

Поступила в редакцию: 11.10.2022; принята в печать: 29.10.2022

Received: 11.10.2022; Accepted for publication: 29.10.2022